

им приемы — свидетельство личностной и творческой зрелости Евгения Дорохова. Художник отстраняется от всего мимолетного и смотрит на происходящее как бы с далекой дистанции, подмечая самое главное и существенное. Среди разных тем и пластических находок наблюдается единство волнующих художника философских и мировоззренческих вопросов, например, о нерасколотости (или, наоборот, расколотости) человека и естественного, природного мироздания. Нарастает экспрессия формы и цветового решения, повышается выразительная роль фактуры. Синтетическое живописно-графическое начало дополняется рельефом «цветопластики».

Экспрессивным становится целостный образ произведения, а не отдельные его содержательные или формальные элементы. В картинах Дорохова прежде всего обращает на себя внимание ритм, организующий их пространственную структуру, и яркая, насыщенная цветовая гамма. В обобщении деталей и частностей, в концентрации человеческих переживаний ощущается игра вечно бурлящей живой материи. Материя оборачивается энергией. Борьба полярных энергий выливается в противостояние двух начал: устойчивого живописного пятна и подвижной геометрии. Живописность выражает внутреннее состояние автора. Геометрике отводится роль структуры. Спонтанное чувство победила рациональность. Тонкость оттенков выраженного в колорите чувства, свойственного станковой живописи, соединяется с размахом широких обобщений, чаще всего присущих монументальному искусству.

Как бы ни назывались композиции мастера, с какими бы конкретными деталями и реалиями они ни были связаны, перед нами всегда образная структура, которая лишь ассоциативно перекликается со своими жизненными прообразами, тяготея к символично-метафорическим формам. В них воплощена метафора нетленности. Поглощенные природой, ставшие частью мирового космоса, археологические древности в про-

изведениях художника превращаются в символы сакрального и национального духа. Художественное восприятие артефакта помогло Евгению Дорохову разработать свой индивидуальный и узнаваемый стиль, в котором рациональное и чувственное взаимодополняют и взаимообогащаются. Реконструкция мифологического (космического) сознания продолжается.

Постижение бытия, осмысление через эстетическую и художественную форму его проявления представляют сопряженность в искусстве онтологического и гносеологического уровней [3, с. 45]. Сгущение импульсов развития культуры имеет точечный, очаговый характер и естественную привязку к месту, становящемуся культурным пространством, где очевидны взаимосвязи локального, регионального, общероссийского своеобразия и проявления глобальных социокультурных процессов XX в.

1. Подорога В. А. *Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии*. М. : Ad Marginem, 1995. 427 с.

2. Мысливцева Г. Ю. *Территория мечты*. Омск : [б. и.], 2014. 383 с.

3. Красноярова Н. Г. *Эстетическое отношение как постижение бытия* // Омский научный вестник. 2015. № 5 (142). С. 43–45.

4. Федяев Д. М. *Надежда и безнадежность* // Рациональность иррационального / под ред. В. И. Колосницына. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 110–129.

5. Якимович А. К. *Магическая вселенная*. М. : Галарт, 1995. 168 с.

6. Максименко Л. А. *Космология в культуре: философско-антропологическое осмысление* : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2011. 42 с.

© Бабикина Т. В., 2019

Г. В. Горнова, С. А. Митягин
G. V. Gornova, S. A. Mityagin

УДК 130.2

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-19-22

ЦВЕТА УРБАНИЗМА*

В статье представлен философский анализ цвета применительно к урбанистическим концепциям и теоретическим конструктам, в которых осуществляется познание материальной, социальной и экзистенциальной реальности города. Рассматриваются цветовые ассоциации профессиональных терминов «greenfield», «brownfield», «greyfield». **Исследуются** символично-семантические комплексы ассоциаций, связанные с цветовыми представлениями **Smart City** и **города-сада**. Демонстрируется возникновение новых ассоциативных цветовых значений, порожденных опытом городской жизни.

Ключевые слова: Smart City, умный город, город-сад, greenfield, гринфилд, brownfield, браунфилд, greyfield, грейфилд.

COLOURS OF URBANISM*

The article presents a philosophical analysis of colour in relation to urban conceptions and theoretical constructs, in which the cognition of the material, social and existential reality of the city is carried out. Colour associations of professional terms “greenfield”, “brownfield”, “greyfield” are considered. Symbolic and semantic complexes of associations connected with colour representations of Smart City and Garden City are investigated. The emergence of new associative colour meanings generated by the experience of urban life is shown.

Keywords: Smart City, Garden City, greenfield, brownfield, greyfield.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (18-411-550008 p_a «Городская идентичность: антиномичность миграционных установок горожан (на материале города Омска)».

The article was prepared with the support of RFBR (18-411-550008 r_a “Urban Identity: Antinomies of Migration Attitudes of Citizens (on the Material of the City of Omsk)”).

Атрибутом или модусом человеческого бытия является цвет? Этот вопрос по-прежнему актуален для современных философских исследований. Какова роль цвета в системе зрительного восприятия? Какую функцию цвет выполняет в пространственном восприятии? Что именно дает цвет человеку для практической ориентации в окружающем мире? Это не менее актуальные вопросы естественных наук. На вопрос о том, каким образом цвет эмоционально воздействует на психику человека, пытается ответить психология. Специфику цветосемантики и лексической категоризации цвета рассматривает лингвистика [1, с. 7–12]. В культурологических исследованиях предметом изучения становится символика цвета. В искусствоведении и изобразительном искусстве аналитика цвета неразрывно связана с собственно творческой деятельностью и непосредственно представлена в художественных произведениях [2; 3]. В урбанистических исследованиях в настоящее время феномен цвета должным образом не исследован.

«Цветовой инструментарий» начинает активно входить в категориальный аппарат экономики, социальной и экономической географии, экологии, права, государственного и муниципального управления, в частности в дисциплинарные разделы, связанные с территориальным планированием и градостроительным развитием. Иллюстрацией могут служить термины **«greenfield»**, **«brownfield»**, **«greyfield»**, заимствованные российской наукой из зарубежных теорий и практики девелопмента и редевелопмента. Надо отметить, что эти термины уже прочно вошли в профессиональную лексику российских теоретиков и практиков градостроительного развития, свидетельством чему является их преимущественное употребление на русском языке — «гринфилд», «браунфилд», «грейфилд», т. е. произошло полное лексическое заимствование.

Каково же прямое значение этих терминов и какие ассоциативные цветовые комплексы они содержат? Словообразование этих терминов осуществлялось соединением названия цвета и слова **«field»**, обозначающего поле, площадку, область, сферу деятельности. Гринфилд — это незастроенная площадка для строительства; неосвоенный участок земли города или сельского поселения; городская или сельская территория, не затронутая хозяйственной деятельностью, пригодная для последующего экологичного освоения или же сохраняемая как естественный актив. Браунфилд — это не используемые промышленные территории, которые возможно повторно использовать, вернуть их в экономический оборот; экологически неблагополучные промышленные зоны или объекты промышленности, обладающие потенциалом для повторного использования. Грейфилд, менее распространенный термин, объединяет часть значений предыдущих терминов и описывает морально устаревшие и экономически невыгодные территориальные активы, которые раньше были хорошими городскими территориями, успешно выполняли функции региональных торговых и коммерческих центров, но пострадали от экономических кризисов, перестали использоваться или остались недостроенными [4, с. 7–10].

Ассоциативные значения зеленого, коричневого и серого цветов, их позитивные и негативные коннотации легко считываются в этих терминах и делают интуитивно понятными их смысл даже людям, далеким от сферы градостроительства.

Семантика зеленого цвета отсылает к представлениям о молодости, свежести, природности, экологичности, новизне. Коричневый, с одной стороны, ассоциируется с землей, почвой, устойчивостью и усиливает значение **«field»** как участка земли, что делает термин браунфилд весьма удачной находкой, с другой стороны, эмотивная окрашенность психологических и культурных аспектов коричневого цвета отсылает к неприятным ощущениям загрязненности, неряшливости. Символика серого цвета связана со старением (седина), запустением (пыль), элегантною простотой, но одновременно и скукой.

Кстати, интуитивная понятность этих терминов территориального планирования, обусловленная простотой цветовой интерпретации значений плохого и хорошего, перспективного и устаревшего, привела к тому, что эту терминологию начали активно использовать и в других сферах деятельности, в частности в образовании. Речь прежде всего идет об образовательных стратегиях развития гринфилд и браунфилд как о мировых трендах. Центр образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО рассматривает образование как «ландшафт», «браунфилд» определяет как исторически сложившуюся образовательную практику, а «гринфилд» — как инновационные образовательные проекты, образовательные стартапы [5, с. 2], возникающие в «чистом поле», на свободном или пустом месте.

Термины **«greenfield»**, **«brownfield»**, **«greyfield»** являются теоретическими конструктами, фиксирующими эмпирические свойства отдельных социально-экономических фрагментов городской реальности. Теоретическое познание социальной реальности города как целостности, различных форм городского устройства, поведенческих практик и вариантов жизненных стратегий горожан осуществляется с использованием разного рода моделей. Концептуальной формой, описывающей определенную модель городского устройства, являются урбанистические метафоры. Метафорические конструкции выполняют объяснительную функцию в познании — в «свернутом» виде содержат целостную концепцию, как правило, обладают яркой образностью и легко представимы.

Условно все урбанистические метафоры можно представить тяготеющими к одному из двух полюсов оппозиции «организм — механизм», антиномии природного и искусственного. Одними из самых распространенных в общественном сознании представлений о городе, вписывающихся в эту оппозиционную схему, являются метафорические модели города-сада и умного города (**Smart City**), сложившиеся в рамках среднего (органического) и технологического (технократического) подходов. Город-сад и **Smart City** являются своего рода идеальными типами этих подходов, мыслительными конструкциями, теоретическими схемами, эталонами, с которыми сравниваются теоретические конструкты и реальные объекты. Приближение или удаление реального объекта от эталона наделяет его позитивной или негативной коннотацией.

Теоретические конструкты репрезентируют отдельные аспекты идеальной модели, наделяя их значимостью в соответствии со своей концептуальной направленностью. Схематично это можно представить следующим образом: к примеру, к теоретическим конструктам органического подхода можно отнести Город широких горизонтов Ф. Л. Райта, плавучие города архитекторов — представителей движения японского метаболизма, проект «Хабитат-67» М. Сафди с девизом «Каждому

по саду»; в рамках технократического подхода существуют такие конструкты, как Современный город, Лучезарный город Ле Корбюзье и его модификации в представлениях о рациональном городе Р. Мозеса [6], медийный город [7] и др.

Рассмотрим цветовое восприятие и семантические комплексы ассоциаций, которые порождают основные оппозиционные метафорические модели: город-сад и умный город. Цветовая соотнесенность образа города-сада с зеленым цветом вполне понятна и не нуждается в детальном обосновании. Более сложная задача — определить цвет Smart City, тем не менее она уже частично решена, и мы можем считать это решение верным. Онтологическое основание умного города — искусственный интеллект, цифровая реальность, информационные технологии, искусственная среда интеллектуальных систем, заданная машинными алгоритмами, сложные интерфейсы, существующие на стыке искусственного интеллекта, инженерии, искусства и соединяющие виртуальную реальность и материальную реальность города, нейросети, обучающие сами себя [8].

Определение цвета Smart City можно связать с дизайнерскими направлениями исследования искусственного интеллекта, которыми занимается профессор этики и компьютерных технологий университета Карнеги-Мелона М. Р. Стинсон, с изучением того, как искусственный интеллект видоизменяет и создает современную реальность. Стинсон обращается к исследованиям Дж. Ха и отмечает, что цветопроба искусственного интеллекта, составленная по поисковым запросам в Google, показывает весь спектр холодных оттенков синего (голубого) цвета. По словам Ха, холодные бесчеловечные цвета искусственного интеллекта заставляют задумываться об одиночестве [9]. При этом многократно упоминается «голубое сияние», т. е. соединение света и цвета. Если сейчас в любой поисковой системе ввести словосочетание «умный город» или «Smart City», то мы увидим изображения в том же сияющем синем спектре. Более того, визуальные решения полиграфического дизайна изданий об умных городах выполнены в той же гамме, к примеру отчет центра МакКинзи об использовании технологий умного города, опубликованный в июле 2018 г.

Кратко рассмотрим символику, семантику и особенности восприятия синего цвета в сочетании с ассоциативным комплексом значений умного города. Сразу отметим, что в наших представлениях Smart City связан с разумом, идеями, виртуальностью. Smart City умпостигаем. Этими же атрибутами обладают идеи Платона. Имеют ли идеи Платона цвет? Имеют. Эйдосы Платона обладают идеальным небесным существованием. Небо соотносится с синим (голубым) цветом. Вершина иерархии идей — Благо — в диалоге «Государство» соотносится с солнцем, люди могут выйти из пещеры к свету идей. Следовательно, идеи Платона вполне могут быть описаны как излучающие голубое сияние. Значит, можно провести параллель между умпостигаемыми идеями и умным городом. В средневековой алхимии цвет — «промежуточная форма между материей и духом» [10, с. 92].

Одно из самых известных описаний синего цвета принадлежит И. В. Гете, в своем учении о цвете он называет его «прекрасное ничто», можно рассматривать это как подчеркнутую нематериальность умпостигаемых идей. И Гете, и теоретик нового искусства школы Баухаус И. Иттен заостряли

внимание на амбивалентности синего цвета: у Гете — это противоречие между раздражением и покоем, у Иттена — между активизирующим действием синего, залитого солнечным светом неба и пробуждающим непостижимую тоску синим тоном освещенного луной неба [2, с. 82]. В. В. Кандинский находил у синего свойство центростремительности, «дар углубленности», «зов к бесконечному и сверхчувственному» [3, с. 40]. Психосемантика синего связана с интровертностью, с сублимацией сексуальных влечений, повышением интуитивности [11].

В культурологическом анализе символический потенциал синего цвета определяется как достаточно скромный, его нейтральность, символическая размытость не порождают сильных страстей в отличие от красного, черного, возможно, белого цвета. Это цвет размышлений, цвет умиротворения, умственных созерцаний. Для современных западных обществ синий — самый любимый цвет [12, с. 103–104].

Таким образом, можно предположить, что цветосемантика умного города показывает, что в наших представлениях он наделяется значениями разумности, сверхчувственности, отстраненности, интровертности. Однако современные визуальные интернет-репрезентации умного города дополняют эту картину классической символичности — они практически все зримо отображают еще один атрибут Smart City — движение. Динамичность этим изображениям придают световые трассы — движущиеся источники сине-голубого света, сливающиеся в непрерывные линии, которые порождают ощущение, что само существование Smart City — это непрекращающееся движение. Надо отметить приращение смысла: в голубом сиянии умного города умпостигаемые вечные неизменные идеи обретают движение!

Комплекс значений, связанных с зеленым цветом города-сада, имеет множество интерпретаций. Гете в 783-м положении учения о цвете указывает, что наше зрение находит в зеленом реальное удовлетворение: зеленый появляется из смешения синей и желтой краски, и это придает появившемуся цвету качество равновесия — не хочешь идти дальше и не можешь идти дальше, поэтому в комнате с зелеными стенами можно находиться долго. Иттен, рассматривая эту промежуточность зеленого цвета, указывает на высокую амплитуду модуляций зеленого цвета, на практическую невозможность соблюсти равную пропорцию синего и желтого, отсюда возникает множество дополнительных значений, среди которых часть наделена положительной коннотацией (весенние силы природы, плодородие, надежда), часть — негативной (ленивая вялость и пр.) [2, с. 83–84]. Коллега Иттена по Баухаусу Кандинский заявляет, что пассивность — самое характерное свойство зеленого цвета, и ленивую вялость Иттена усиливает сравнениями цвета с самодовольной и ограниченной буржуазией и с ленивой коровой, которая неподвижно лежит на лугу и смотрит на мир глупыми, тупыми глазами [3, с. 43]. М. Пастуро обвинил теоретиков Баухауса в несправедливости и подчеркнутую предвзятость именно по отношению к зеленому цвету [13, с. 127]. Но в урбанистическом аспекте рассуждение Кандинского о том, что зеленый — самый спокойный цвет, лишенный как радости, так и печали, который никуда не движется, никуда никого не зовет и поэтому благотворно действует на души утомленных людей, но после может

наскучить [3, с. 42], неожиданно нашло подтверждение во время соучаствующего проектирования при обсуждении мастер-плана Омска в 2016 г.

Взрослые люди видение Омска как города-сада выделяли как предпочитаемое, более молодое поколение городских активистов эта метафора не только оставляла равнодушными, но и даже слегка раздражала. В попытках метафорически определить город на «Сборке 2016» они называли его «городом-порталом» (в нем много ворот — Тарские ворота, Иртышские, Омские, Тобольские, но в современном городе они никуда не ведут), сравнивали с черным ящиком, отмечая происходящие с людьми трансформации и невозможность их объяснить, сформулировали интересное определение: «Омск — город качественного абсурда», но никакой ностальгии по городу-саду не испытывали. Если обратиться к мысли Кандинского, то возможное объяснение этому — активность, страстность молодости, которая в своем познании мира еще не нуждается в умиротворенности.

Однако протестные настроения также можно найти в семантике зеленого цвета. Ведущий идеолог контркультуры и автор этого термина Т. Роззак в качестве альтернативы западному обществу потребления создал направление экологического персонализма в русле леворадикальной американской гуманистической философии. Идеи контркультуры стали философской и методологической основой разного рода движений и партий «зеленых» [14, с. 5, 29, 58]. М. Пастуро отмечает, что с 70-х гг. прошлого века зеленый стал идеологическим и политическим цветом. Триада, которая вместила в себя современный символический потенциал зеленого, — это здоровье, свобода, надежда. Зеленый превратился в мессианский цвет. С ним связывается надежда на спасение мира [13, с. 139]. Так что, возможно, символический потенциал зеленого в урбанистике не исчерпан до конца.

1. Исаев А. А., Теплых Д. А. Философия цвета: феномен цвета в мышлении и творчестве : моногр. 3-е изд. М. : Флинта, 2016. 180 с.

УДК 141.32

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-22-26

ЭКЗИСТЕНЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье обосновывается необходимость исследования взаимосвязи экзистенции и идентичности. Экзистенциальная философия XX в. создала представление о формирующейся идентичности свободного человека и со-бытии с другими. Современный человек в условиях глобальных цивилизационных вызовов должен обращаться к своей персональности. Формирование экзистенции приводит человеческую идентичность к целостности, аутентичности.

Ключевые слова: идентичность, экзистенция, экзистенциалы, со-бытие, персональность.

2. Иттен И. Искусство цвета. М. : Издатель Д. Аронов, 2014. 96 с.

3. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Л. : Фонд «Ленинградская галерея», 1989. 68 с.

4. Пешина Э. В. Разумный рост городов: «greenfield» (гринфилд), «brownfield» (браунфилд), «greyfield» (грейфилд) // Управленец. 2013. № 5 (45). С. 4–12.

5. Волков А. Е., Конанчук Д. С. Эпоха «гринфилда» в образовании : исследование SEDeC / Центр образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО. М., 2013. URL: https://skolkovo.ru/public/media/documents/research/education_10_10_13.pdf (дата обращения: 10.09.2019).

6. Грэхем У. DreamCities: 7 урбанистических идей, которые сформировали мир. М. : Эксмо, 2018. 288 с.

7. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М. : Strelka Press, 2014. 392 с.

8. Steenson M. R. Architectural Intelligence. How Designers and Architects Created the Digital Landscape. Cambridge : MIT Press, 2017. 382 p.

9. Браттон Б., Стинсон М. Р. Дизайн, архитектура и искусственный интеллект : лекция // ARCHTIME.RU : [сайт]. URL: https://www.architime.ru/video/architecture_and_artificial_intelligence.htm (дата обращения: 10.09.2019).

10. Рабинович В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М. : Наука, 1979. 392 с.

11. Яньшин П. В. Психосемантика цвета. СПб. : Речь, 2017. 368 с.

12. Пастуро М. Синий. История цвета. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 144 с.

13. Пастуро М. Зеленый. История цвета. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 168 с.

14. Султанова М. А. Философия контркультуры Теодора Роззака (очерк философской публицистики). М. : ИФ РАН, 2009. 175 с.

© Горнова Г. В., Митягин С. А., 2019

Л. И. Жижилева

L. I. Zhizhileva

HUMAN EXISTENCE AND IDENTITY IN MODERN WORLD

The article substantiates the need for a new perception of existence and identity and their relationship. The existential philosophy of the 20th century created an idea of forming identity of a free person and co-being with others in response to the strong challenge of the world. A modern person in the face of global challenges should appeal to his personality. The existence formation leads human's identity to integrity, authenticity.

Keywords: identity, existence, existentials, co-being, personality.